

Ю.А. Сорокин

Институт языкознания Российской академии наук, г. Москва

**ЧЕЛОВЕК ГОВОРЯЩИЙ В ЕГО МОДУСАХ И ОТНОШЕНИЯХ
(обзор-дискуссия)**

Ключевые слова: модус, кооперативная личность, вербальный компонент, невербальный компонент.

В статье рассматривается характер комбинаторики вербальных и невербальных компонентов, составляющий языковую личность и квалифицирующий «четырёхцветную личность».

Y. A. Sorokin

Linguistics Institute of Russian Academy of Science, Moscow

SPEAKING MAN IN HIS MODE AND ATTITUDE (review-discussion)

Keywords: mode, cooperative person, verbal component, nonverbal component.

The article deals with the character of the combinatorial theory of verbal and nonverbal components, which are composed a language person and qualified a «quadrichromatic person».

И для психопоэтики, и для психополитологии в высшей степени важно уяснение характера комбинаторики вербальных и невербальных компонентов, составляющих не только то, что называют языковой личностью (Ю.Н. Караулов) и что целесообразнее было бы называть логосической/логосическо-эйдетической личностью, но и то, что квалифицируют как «четырёхцветную личность» (см. по этому поводу: Люшер, 1996). Воздерживаясь от анализа и признаков и элементов самореализации этой личности в силу сложности вышеупомянутого «объекта» функциональной психологии и в силу непараллельности психологических и лингвистических теорий личности (хотя попытки их совмещения и предпринимаются, см., например: Киреева, 1997), исследователи-лингвисты преимущественно фиксируют свое внимание на структуре и поведении языковой личности, правда, расширяя поле наблюдений и рефлексии, корректируя и дополняя ее модель, предложенную Ю.Н. Карауловым. Например, Е.А. Нечипорович (Нечипорович, 1999) считает важным не анализ свойств языковой личности как некоторой отдельности, но анализ модусов ее вербального и невербального существования в виде микросоюзов/микротолп с тем или иным периодом распада и рассматривает языковую личность как непременно существующую в открытом коммуникативном эпизоде или, иными словами в таком хронотопе, в котором отсутствуют строгие ограничения на использование макроэтикетного и тематического кодекса, характерного для русского общения. Е.А. Нечипорович стремится не только описать привычки кооперативной языковой личности, но и

выявить те глубинные установки (кооперационные архетипы, если угодно), конструирующие «натуральный ряд» единичностей в некоторое – пусть и кратковременное – но supraцелое, обязанное своим существованием осознанию этих установок как допустимых/разрешенных для всех. Словом, Е.А. Нечипорович ищет не только вербальные манифестации кооперативной личности, но и их социально-психологическую материю.

Осторожное внимание Е.А. Нечипорович к рассуждениям Г.И. Богина и Ю.Н. Караулова по поводу структуры языковой личности вполне понятно: для них она есть данность, исчерпывающаяся своими вербализмами, существующая лишь в языке и с помощью языка и стремящаяся вписаться в правила предзаданного бытия в его письменной/художественной форме. В противовес им Е.А. Нечипорович предлагает наблюдать за вариациями/смещениями в вербальном каноне, за реализациями его в пространстве и времени устного/внелитературного общения-поведения. Иными словами, Е.А. Нечипорович стремится описать не языковую/речевую личность, а личность семиотическую, что, на мой взгляд, и оправданнее, и эффективнее. Может быть, такую личность следовало бы называть неравновесной / бифуркационной личностью?

Многообещающим выглядит и предложенное Е.А. Нечипорович понятие имплантации (встройки чужих элементов в свою речь), так как уяснение того, чем отличается цитирование/использование прецедентных текстов в канонизированной вербальной среде от его/их использования в среде вербально-неканонизированной (в бифуркационной среде) крайне важно не только для построения модели русского вербального и невербального поведения, но и для формирования обоснованного представления о русском этническом характере. Показательно и стремление Е.А. Нечипорович описать и такой бифуркатив, как смех, являющийся знаком того или иного состояния кооперативной личности.

(ПРИМЕЧАНИЕ: Симптоматично, что в своей диссертации М.А. Кулинич (Кулинич, 2000) пытается не только доказать правомерность подхода А. Бергсона и З. Фрейда к истолкованию юмора, но и показать (материалом в 3000 страниц), что этот подход не может истолковываться – как это ни стараются делать – в качестве тупикового, причем в основе стремления М.А. Кулинич к показу юмора лежит понимание его в качестве предельной категории (см.: Снитко, 1999), т.е. такой, которая семантически пуста/предельно абстрактна, и в силу своей абстрактности приобретающей возможность наполняться самыми разнообразными содержаниями. Такие категории с трудом интерпретируются, но их легко понимать, ибо они есть некоторая предзаданная сущность, конкретизирующаяся в фактах, событиях и ситуациях. Иными словами, существует нечто, что вслед за В.Л. Вартаняном (Вартанян, 1994) следует называть момистическим, некоторым соотношением вербального и невербального, переходом одного в другое в деятельности субъекта и в текстовой деятельности. В границах этого перехода и возникает момистическое – корпус момистических актов и момолексов. Весьма эвристичен предлагаемый М.А. Кулинич ход укрупнения тех модусов человеческого существования, над которыми смеются

люди. Он, на мой взгляд, позволяет вплотную подойти к решению того, что можно было бы назвать реконструкцией этномистического портрета (интралингвокультурального и интерлингвокультурального), в котором представлены и «они» (мишени для шуток), и «мы» (стрелки по мишеням), и качества (ценности, берущиеся, на мушку). Такой характерологический портрет и рисует М.А. Кулинич, перечисляя ценности англичан и американцев – ценности, по сути дела, контрадикторные и свидетельствующие о противоречивой и сложной структуре этнической психологии тех, кто говорит почти на одном языке).

Интересно и полезно и понимание Е.А. Нечипорович таких составляющих кооперативной личности, как Лидер и Супортер. Присоединяясь к ее истолкованию, я счел бы необходимым указать на следующее: Лидер – это личность с объемным коммуникативным полем речи, Супортер – это личность со сфокусированным полем коммуникативной речи. Лидер предлагает выбрать, Супортер предлагает выбрать из выбранного (из тех фокуситивов, которые называются/рекомендуются Лидером).

В высшей степени многообещающими в теоретическом и прикладном отношении являются и факты, свидетельствующие об одном из самых важных качеств русского вербального и невербального поведения – о его асимптотической конфликтности/установке на глубинную позитивную вежливость, контрастирующей с негативной вежливостью, характерной для европейского поведения. Важно и обсуждение отсроченной стратегии иммунизации, свойственной, по мнению Е.А. Нечипорович, русскому кооперативному поведению, а также речевым играм, которыми забавляется кооперативная личность, и которые указывают на общие культуральные апперцептивы. Важны и количественные характеристики этих игр: от трех до пяти взносов в каждой из них.

В сути одной из этих игр пытается разобраться и Ю.В. Горшунов (Горшунов, 2000), предлагая некоторые способы описания тех правил, которым он подчиняется. Я назвал бы то, чем он занимается, аббревиологией – лингвистической субдисциплиной, в сферу внимания которой входит наблюдение за принципами вербальной компрессии, вполне соотносимыми с постулатами общения Грайса и Лича. Я сказал бы даже, что его принципы позволяют точнее сформулировать суть правил речевого взаимодействия, расширяя поле нашей научной рефлексии. Иными словами, принципы экономии и эмфазы, мелиоративности и пейоративности, эвфемизации и табуирования, аффективности и эффективности, стигматичности и криптоличности есть не что иное, как конкретизация постулатов Грайса и Лича, дающая возможность описывать коммуникативные контакты в качестве аксиологически маркированных вербальных пространств. Я рискнул бы сказать, что анализируемые Ю.В. Горшуновым аббревиатурные единицы похожи на паремиологические единицы. А может быть, и вполне сопоставимы между собой: и те и другие являются редуцированными знаками ментальных и нементальных процедур/поступков/действий, чья внутренняя форма нуждается в дешифровке. И те, и другие лишь отсылают к полю возможного влияния, оказываясь, скорее, единичностями для себя, чем для нас.

Иначе говоря, эти единицы допустимо рассматривать в качестве аббревиатурных фразеологизмов, чьи составляющие скрывают денотатный мир, фиксируя его «случайные» признаки (что и предполагает принцип криптолаличности). Эти фразеологизмы аксиологически маркированы, как и любая когитивно-когнитивная и эффективно-эмотивная структура, но зачастую имплицитно.

Иллюстративный материал, представленный в диссертации Ю.В. Горшунова мог бы выглядеть еще убедительнее, если бы английские примеры сопровождалось русским переводом. Тогда мы могли бы судить о степени универсальности обсуждаемых прагматических принципов, об их пересечениях, сходствах и различиях, получив, в конце не что иное, как англо-русский словарь коннотем, характеризующих те или иные аббревиатуры. В частности, мы располагали бы данными относительно того, что Ю.В. Горшунов называет принципом тактичности/вежливости и что целесообразнее назвать принципом дифенсиальности, входящим в ту систему защит, которую аббревиатуры «строят» вокруг себя. Эти данные помогли бы и в решении проблемы совместимости русских и английских депрециативов/инвектив, обеспечивающих защиту нападением. Показателен также и тщательный анализ Ю.В. Горшуновым того, что я назвал бы слоевым распылением аббревиатур/акронимическим распылением. Говоря иначе, Ю.В. Горшунов предлагает очень интересное описание распределения аббревиатур среди мужчин и женщин (так называемые феминные и маскулинные акронимы), у преппи и «Девушек из Долины» (акронимические вокабуляры, свидетельствующие о принадлежности к определенной социальной страте), рейнджеров, юппи и пенсионеров, а также в маргинальных группах (наркоманы) и в группах профессионалов (компьютерщики), что вынуждает его обсудить и проблему миграции акронимов (обменивания ими в Англии, США и Австралии). Таким образом, Ю.В. Горшунов предлагает акронимический портрет носителей английского языка, фиксирующий не только их вербальные привычки, но и указывающий на те перлокутивные эффекты, которым служат эти привычки.

Продуктивность использования понятия имплантации, предложенного Е.А. Нечипорович, подтверждается и результатами работы С.Г. Васильевой, хотя она и не использует этот термин. Основная цель ее работы – выявить формы существования разноязычия в этнически гетерогенном лингвокультуральном сообществе, преимущественно обращая внимание на устно-непринужденный модус функционирования языка/речи. С.Г. Васильева оспаривает корректность использования понятия билингвизма для осмысления речевых событий, происходящих в таком сообществе, считая, что этот термин малоэвристичен. Эвристична, с ее точки зрения, «подслушивающая лингвистика», эвристичен метаполевой лингвистический анализ, опирающийся на факты спонтанной речи и письменных источников (драматургия). Вполне возможно, что «подслушивающая лингвистика» приживется и станет узаконенным термином-словосочетанием. Но полунадеясь на это, я считал бы нелишним предложить в этой связи и другие термины-конкуренты: эмпатическая лингвистика, или дискурсология

вслушивания/вживания. И последняя «терминологическая» цепочка представляется мне наиболее подходящей, ибо С.Г. Васильева учитывает в своей характеристике разноязычия не только речевую фактуру, но и фактуру образов, заставляющих речь быть такой, какая она есть (у русских и татар). Короче говоря, С.Г. Васильева рассматривает разноязычие не в качестве взаимодействия двух вербальных фактур, а в качестве целостного метисированного образования. В связи с этим вполне обоснованными оказываются ее упреки в адрес и Карлинского, обсуждавшего проблему речевой мутации и языковой диффузии (интерференции и интеркаляции), и А. Леонтьева, обсуждавшего характер «иноязычных вкраплений», ибо элементы, мигрирующие из Я1 в Я2 (интерференция) или из Я2 в Я1 (интеркаляция) целесообразно, по-видимому, рассматривать в несколько ином ключе: считать первые эндопрецедентами, а вторые – экзопрецедентами, но ни в коем случае не используемыми лексемами (Верещагин), ибо такая характеристика несущестна. Если их и определять – то как «зеркальные лексемы», или лексемы/паралексемы семейного сходства. Что же лежит в основе вышеупомянутой целостности двух вербальных фактур? Внутрисубъективные словесные знаки – динамические и нединамические (подразделяемые на монолингвальные и билингвальные словесные знаки и словесные знаковые комплексы). Нединамические словесные знаки – это знаки, принадлежащие агглютинативной языковой системе, а динамические – флективной.

По мнению С.Г. Васильевой, существует внутрисубъектное вербальное пространство носителя языка и внутрисубъектный образ как единство содержания и формы словесного знака. И пространство, и образ – по-разному аранжированы и в хронологическом, и в культуральном отношении у русских и татар; это разнопорядковые величины с различной семной/смысловой конфигурацией. Или, точнее говоря, в русском и татарском речевом потоке для носителей языка оказываются аттрактивными лишь такие доли смысла, которые дополняют или компенсируют автохтонные образы-пространства, воспринимаемые в качестве редуцированных в том или ином отношении. Отсюда и следует вполне ожидаемый ход в рассуждениях С.Г.Васильевой: разноязычие – это совокупность зон с максимальным, минимальным и нулевым потенциалом реализации (или, иначе говоря, разноязычие – это совокупность ядерных типовых, периферийных типовых и нулевых коммуникативных ситуаций). Естественно, что формой вербального существования этих ситуаций является диалог, в рамки которого «встроены» три типа преддиалоговых позиций коммуникантов – с высокой степенью межперсональной активности, с минусовой активностью и с неустойчивой активностью.

Основой вышеуказанной межперсональной активности, как это показывает С.Г. Васильева, служат 15 моделей структурирования разноязычных высказываний (на русском и татарском языках), а внутрисубъектная организация образов-пространств словесных знаков рассматривается как слоистая: образы-пространства могут быть охарактеризованы 87 признаками. Конфигурация этих признаков позволяет С.Г.Васильевой настаивать на реальности существования спонтанного

разноязычия манифестирующего типа, спонтанного разноязычия имитирующего типа, неспонтанного разноязычия сигнализирующего типа и неспонтанного разноязычия игрового типа. Иначе говоря, С.Г. Васильева предлагает нашему вниманию характерологию разноязычия, которая, на мой взгляд, убедительнее других в силу своей конкретности. Правда, я предпочел бы говорить не о характерологии, а об идиорефлексивологии и (это точнее), как и не соглашаться с существованием трех типов носителей языка – координативистов, субординативистов и «субъективистов». Тем более что С.Г. Васильева видит и иное решение обсуждаемой проблемы: по ее мнению, носители субординативных систем могут быть охарактеризованы как неэтнические и этнические, т.е. как лица с различной – центробежной или центростремительной – этнической самоидентификацией. Именно такой подход представляется мне наиболее перспективным, а полезными в этой связи могли бы оказаться следующие два понятия: этносизма и эмпатии. Этник – это этносизист/эмпативист или координативист; антиэтник – антиэтносизист/антиэмпативист или субординативист, а «субъективист» – это мезоэтник/мезоэмпативист, т.е. тот, кто выбирает лексемы семейного сходства в силу конъюнктурных соображений.

Если считать, что понятие имплантации (Е.А. Нечипорович) и понятие смешанной речи (С.Г. Васильева) указывают на нечто общее, а именно на ту когнитивно-когнитивную и аффективно-эмотивную базу знаний и поведения, на которую опирается и языковая/логосическая, и кооперативная личность, то особую важность приобретает «исчисление» того лингвокультурального инструментария, который используют, например, носители русского языка для ориентации в предметных и ментальных ситуациях, аранжированных в соответствии с требованиями той или иной вербальной или невербальной среды. Эти ситуации являются проблемными ситуациями, в ходе решения которых возникает целостное представление о том или ином факте/прецеденте. В основе этих целостных представлений неминуемо должны лежать МЕМЫ, культуральные гены (см. по этому поводу: Келлер, 1997), которые определяют качественную характеристику вербальных и невербальных поступков носителей русского языка. Поиск такого рода МЕМ и занимается Д.Б. Гудков (Гудков, 2000), пытаясь предложить ученому сообществу периодическую (непериодическую?) систему культуральных генов, часть из которых представлена в «Рабочих материалах к словарю прецедентных имен». Эти материалы отнюдь не иллюстративны, являясь нечто большим, чем парафразы и примеры внутриязыкового перевода. Большим потому, что они есть и ни то, и ни другое. «Рабочие материалы» – это реальное описание процесса межъязыкового перевода/трансляционного семиозиса в том его понимании, которое предлагает И.Э. Клюканов (Клюканов, 1998), считающий, что речевая деятельность является частью/фрагментом переводческой деятельности, а не наоборот. Такой ход мысли в «Рабочих материалах» позволяет обсуждать те продуктивные следствия, которые из него следуют: например, являются ли мемы-прецеденты «мягкими» или «жесткими» знаками, в какой мере они виртуальны и сентенциональны и о какой преимущественно

эгоструктуре русскоязычной личности – синхронической или диахронической – информируют.

По-видимому, соображения и размышления Д.Б. Гудкова относительно существования прецедентных феноменов в языковом сознании (в сознании и логосической, и кооперативной личности) можно было бы охарактеризовать как феноменологические, ибо «феноменология – это изучение сущностей, и все проблемы соответственно сводятся к определению сущностей: сущности восприятия, сущности сознания...» (Мерло-Понти, 1999, 5). Иначе говоря, Д.Б. Гудков изучает факты, подведомственные вербальной и невербальной прецедентологии/мематической феноменологии, в рамках которой следует рассматривать культурально, а, тем самым, этнически маркированные (и немаркированные?) образы/представления, чью архитектуру – в сущности неосознаваемую – Д.Б. Гудков пытается распределить.

Соглашаясь с тем, что прецедентные феномены могут выступать в виде прецедентного текста, прецедентного высказывания, прецедентной ситуации и прецедентного имени, я хотел бы указать, однако, на следующее: на мой взгляд, прецедентный текст и прецедентная ситуация больше схожи между собой, чем это замечает Д.Б. Гудков. И ПТ, и ПС – прескрипционные («жесткие» знаки?), они больше ориентированы на запрет, чем на разрешение. Культурное пространство я также понимал бы как пространство устойчиво воспроизводимых принципов порождения сущностей, а индивидуальное и коллективное когнитивные пространства – как пространства, наделяемые «телом знания». Я также считал бы более выгодным понимать ритуал в качестве регламентированной контекстуальности (иными словами, ритуал есть автоматизм осмысленности/осмысления), а поступок – в качестве нерегламентированной контекстуальности (иными словами, поступок есть осмысление автоматизма) и полагать, что между фатикой и ритуалом существует следующее принципиальное сходство: они есть покоящиеся смыслы, причем фатика суть не что иное, как автоматизировавшаяся часть ритуала.

Как и работа Д.Б. Гудкова, диссертация В.В. Красных (Красных, 1999) также ориентирована на описание и анализ того социолингвопсихо(менто)рельефа, на который ориентируется русскоязычная корпоративная личность. По мысли В.В. Красных, любая лингвокультурная общность является единичностью и, следовательно, эта единичность не может не быть специфически аранжирована в вербально-дискурсивном отношении. Специфически аранжированная единичность обуславливает и выбор соответствующих контактов, и выбор соответствующих противодействий/противостояний этим контактам, так как за этими выборами «прячутся» вербально-дискурсивные праформы, отнюдь не совпадающие – при всей их универсальности – в каких-либо сопоставляемых лингвокультуральных общностях. И не только в них. Специфически аранжированы и варианты праформ внутри одной – в данном случае русской – лингвокультуральной общности. Такая стратная специфика в равной мере предопределяет и визуальную вариативность вербального и невербального поведения, и его

потенциальную конфликтность, ибо варианты праформ являются не чем иным, как фильтрами, сквозь которые просеиваются мотивы, аффективно-эмотивные когитивно-когнитивные установки. Именно они и представлены в приложении к диссертации В.В. Красных – в подготовительных материалах к словарю русских фрейм-структур – давая возможность проследить за процессом смыслоформирования и смыслоформулирования, о котором писала И.А. Зимняя. Короче говоря, в этом словаре представлены те прецедентограммы, в которых так нуждаются, например, преподаватели русского языка как иностранного, и которые не менее важны для лингвистов и психолингвистов-теоретиков, строящих модели речепроизводства и речевосприятия, а также дискурсологи, не без основания полагающие, что дискурсология является фрагментом прецедентологии. Так как в этих материалах не последнее место занимают онимы (и, в частности, антропонимы), то небезынтересным оказывается и следующее: возможность вписать оценки/отношения носителей русского языка к именам в контекст рассуждений имяславцев (Флоренский, Булгаков, Лосев), выделяя из цельного опыта не только его разумные формы (Лосев), но и те из них, которые в совокупном логосическом опыте являются квазиразумными.

Принимая в целом разграничение канона и эталона, предложенное В.В. Красных: канон – это норма, на которую ориентируют свою деятельность общающиеся, а эталон – это «мерило» оценки тех или иных феноменов, я все же предложил бы понимать их немного иначе: эталон истолковывал бы как образ ценности/образ аксиологемы, а канон – как предел допустимого в когитивно-когнитивном и аффективно-эмотивном отношении (как предел, который ставит ментальная технология).

(ПРИМЕЧАНИЕ: Именно о соотношении образов ценности / соотношении вербальных пластических символов, о мере их сходства или несходства в зависимости от места прописки в той или иной лингвокультуральной среде идет речь и в диссертациях Т.А. Фесенко (Фесенко, 1999; русско-немецкие параллели), Чинь Тхи Ким Нгок (Чинь Тхи Ким Нгок, 1999; русско-вьетнамские параллели) и Е.Н. Филимоновой (Филимонова, 1999; русско-корейские параллели). Показательно и использование Чинь Тхи Ким Нгок понятия «устойчивый словесный образ»: оно акцентирует внимание на образных составляющих пластических символов, заставляя искать и другую фокусировку, например, логоменталема может быть противопоставлена логоэпистеме, а концептосфера – семиосфере, причем для первой, по-видимому, важны логоментоцепты, а для второй – ментосемиоцепты.

Анализируя ответы испытуемых, высказывавших свое мнение относительно характера эмоций и когниций, определенно в поэтическом тексте, М.В. Антропова (Антропова, 1985) установила, что в текстах Б.Л. Пастернака представлено одиннадцать вербальных пластических символов/эмотивных комплексов. Основной вывод, к которому приходит М.В. Антропова таков: интегральной эмотивной/эмоциональной доминантой творчества Б.Л. Пастернака является комплекс «любовь – страдание», коррелированный с когнитивным комплексом «жизнь – творчество». В связи с

этим необходимо отметить следующее: выявление интегральной эмотивной доминанты (и формулировка этого понятия) не только эвристично само по себе, но и хорошо согласуется с утверждением А.В. Пузырева о существовании в прозаических текстах (Л.Н.Толстого, в частности) ассоциативной доминанты, а также о глобальной анафонической структуризации (94 %) поэтических текстов (Пушкина, Лермонтова, Есенина, Маяковского) или, иными словами, о существовании интегральной ассоциативной и интегральной анафонической доминанты, несомненно, совмещенных с разверткой эмотивной доминанты в любых поэтических текстах, и, в частности, в текстах Б.Л. Пастернака.

Утверждая, что наисущественнейшим приемом построения пастернаковского «эмотивного мира» является в основном метафора, М.В. Антропова оказывается в самой гуще теоретических проблем, имеющих сугубо актуальное/прагматическое значение, ибо попытка очернить эмотивно-концептуально-аксиологический профиль того или иного писателя (и прозаика, и поэта) является, в свою очередь, попыткой ответить на вопрос о характере индивидуации той или иной поэтической личности, о ее креативных установках и способах моделирования художественного мира как соразмерно-полной самоценности.

Если считать, что «...метафора... – это изменение смыслового содержания слова, возникающее в результате действия двух базовых операций: добавления и сокращения. Иначе говоря, метафора является результатом соположения двух синекдох» (Дюбуа, Эделинг и др., 1986: 194), то выводы, полученные М.В. Антроповой относительно творческих приемов Б.Л. Пастернака (а творческие приемы – это всегда и «имплексы»), оказываются в завидной согласованности с итогами другого исследования, согласно которому творчество Б.Л. Пастернака – « ... это «априорная» синекдохизация мира...», а творчество О.Э. Мандельштама – « ... это «апостериорная» синекдохизация ...» (Лазебник, 1995: 24).

(ПРИМЕЧАНИЕ: Использование М.В. Антроповой термина «эмоциональный» вряд ли оправданно. Его нужно оставить психологам, ориентируясь в психолингвистических и лингвистических работах на термин «эмотивный» и понимая под последним формы и способы представления эмоций/чувств языковыми/речевыми средствами (отсюда и возможность существования эмотивной парадигматики и эмотивной синтагматики?).

Следовало бы наряду с истолкованием доминанты как «устойчивого очага возбудимости» (физиологический принцип) учитывать и тот аспект истолкования доминанты А.А. Ухтомским, который, видимо, более приспособлен для гуманитарных нужд: доминанта как установка на общение (А.А. Ухтомский называет ее «доминантой на другое лицо»). Иными словами, я хочу сказать, что необходимо конкретизировать понятие доминанты, различая доминанту-имплекс («факт сворачивания внутри чего-то многого другого» – Мамардашвили, 1995: 214) – нейрофизиологическую доминанту и доминанту-амплификатор как факт разворачивания имплекса в вербальных и невербальных единицах (об амплификации, или переходе из мира

в мир, от одного метафизического апостериори к другому, см.: Мамардашвили, 1995: 372-373, 390-395). Как свидетельствует работа Л.И. Шварко (Шварко, 1995), целью любого процесса научения и обучения и, тем более, лингвокультурального, должна являться амплификация. Или, точнее говоря, вживание в «живое тело» онтосимволов сознания (типа Дед Мороз, Рождество, Николаус, улица Сезам), существующих, как правило – в силу самого разнообразного веера причин – в виде ауры, лакунизированной в той или иной степени (так называемые аура-лакуны)).

В свою очередь, В.А. Пищальникова (Пищальникова, 1992), опираясь на результаты проведенных ею экспериментов, приходит к выводу, что поэтический текст (ПТ) – это текст особого рода, текст, ориентированный на себя, что в нем базовыми являются эмоциональные компоненты (эмоциональная доминанта) и смысловые компоненты (смысловая доминанта). Установив, что в ответах испытуемых прослеживается сходство эмоциональных характеристик, В.А. Пищальникова предлагает рассматривать ПТ как совокупность иерархически организованных смысловых блоков – носителей тех или иных (прогнозирующих и констатирующих, положительных или отрицательных) эмоций. Эти блоки пересекаются, причем блоки, характеризующиеся максимальным количеством пересечений, являются блоками эмоционально эстетизированными. По-видимому, можно считать, что такие пересечения являются локусами порождения новых – не предусмотренных автором – аксиолого-когнитивных связей – центрами эмотивной реверберации, порождающими соответствующие семасиологические эффекты.

По мнению В.А. Пищальниковой, поэтический текст является способом представления личностного смысла в конвенциональных языковых/речевых единицах, что продуктивно противоречит принятому положению о личностном представлении конвенционального смысла. И в поле эмоций, характерном для того или иного поэтического текста, и в поле его смыслов существуют слои семасиологически доминантные и недоминантные, причем при восстановлении пропущенных авторских слов испытуемые ориентируются на ведущий/инвариантный признак выбираемых слов, реконструируемый на основе признаков слов-соседей (ориентация на недоминантные признаки?). Немаловажную роль в реконструкции играют и перцептивные универсалии (как мне кажется, исследователи поэтического языка обращают мало внимания на их смыслопорождающие возможности).

(ПРИМЕЧАНИЕ: Совокупность экспериментальных и теоретических выкладок, предложенных В.А. Пищальниковой, позволяет сделать следующий вывод: идиостиль (идиолект)/идиобихевиолект есть не что иное, как эгостиль (эголект)/эгобихевиолект, который следует рассматривать в качестве совокупности речевых и неречевых поступков).

В свою очередь, понятие идиостиль/эгостиль полезно увязывать с риторикой – лингвусубдисциплиной, в рамках которой устанавливаются и изучаются субординативные отношения между волей к высказыванию и властью канона, между речью как самостоянием и обязательными ограничениями, накладываемыми на нее требованиями

удобства, толерантности и экономии (см., в связи с этим: Зарецкая, 1999), а также с риторической кинесикой (ритокинесикой), учитывая, что кинесики в обыденной речи (обыденном общении) и в художественной речи существуют не как идентичные отдельности, а противопоставлены друг другу по принципу эксплицитности-эмплицитности. Иначе говоря, в художественной литературе кинесика существует как намек, а в обыденной речи (обыденном общении) как парафраза.

Собственно реконструкцией идиостилей/эгостилей К.С. Станиславского, Вс.Э. Мейерхольда и А.Я. Таирова и занимается Н.А. Нуриманова (Нуриманова, 1998), полагая, что такая реконструкция позволяет прекратить споры о том, кто вышел из «Станиславской шинели» и кто остался ее донашивать, а кто перелицовал. И в чем остались П. Бруки и Г. Крэги. Точнее говоря, Н.А. Нуриманова попыталась выявить режиссерские мифологемы - концепты, их контрарную и контрадикторную соотношенность. В ходе исследования выяснилось, что вербальные пластические символы (онтосимволы сознания) К.С. Станиславского, Вс.Э. Мейерхольда и А.Я. Таирова с трудом поддаются «дешифровке», а их сопоставление непродуктивно, ибо индивидуальный мифоконцепт не может быть пересказан средствами другого мифоконцепта, потому что 1) миф равен самому себе. Он есть то, что он есть, 2) мифоконцепт не есть лишь вербализм. Он также не является вербальным событием/действием. Он есть редупликация затекстового опыта, он есть – дискурс.

Если принять эти рассуждения – напрашиваются следующие выводы: а) изучение и реконструирование индивидуальных мифоконцептов целесообразнее вести, учитывая не только их самих, но и реализацию этих мифоконцептов в театральных дискурсах (или, иначе говоря, в харитических коммуникатах), позволяющих проследить за реализацией тех или иных авторских постулатов самым непосредственным образом, б) эта реализация есть развертывание сложной совокупности семиотических средств, среди которых вербальное является лишь верхушечной частью айсберга и должно быть дополнено анализом других используемых паравербальных форм общения, в) режиссерские автокоммуникаты лишь указывают на систему авторских допущений и установок, остающихся, в основном, имплицитными и осмысляемыми явочным порядком. А такая вторичная рефлексия конъюктурна и ненадежна.

Литература

1. Антропова М.В. Личностные доминанты и средства их языкового выражения (на материале художественных текстов). Дис. на соиск. уч. степ. к. филол. н. – Москва, 1985. – 147 с.
2. Вартанян В.Л. Фрагменты психолингвистической теории юмора. Дис. на соиск. уч. степ. к. филол. н. – Москва, 1994. – 176 с.
3. Васильева С.Г. Разноязычие (смешанная речь) и типология билингвизма личности. Дис. на соиск. уч. степ. к. филол. н. – Москва, 1999. – 36 с.

4. Горшунов Ю.В. Прагматика аббревиатуры. Дис. на соиск. уч. степ. д. филол. н. – Москва, 2000. – 32 с.
5. Гудков Д.Б. Предедентные феномены в языковом сознании и межкультурной коммуникации. Дис. на соиск. уч. степ. д. филол. н. – Москва, 2000. – 150 с.
6. Дюбуа Ж., Эделинг Ф., Клинкаенберг Ж.М., Мэнге Ф., Пир Ф., Тринон А. Общая риторика. – М.: Ком Книга, 1986. – 360 с.
7. Зарецкая Е.Н. Теория речевой коммуникации (риторический подход). Дис. на соиск. уч. степ. к. филол. н. – Москва, 1999. – 15 с.
8. Келлер Р. Языковые изменения. О невидимой руке в языке. – Самара: СамГПУ, 1997. – 312 с.
9. Киреева Е.С. Языковые средства реализации ролевого и субъективного модусов в диалоге (на материале американской художественной литературы). Автореф. дис. на соиск. уч. степ. к. филол. н. – Москва, 1997. – 40 с.
10. Клюканов И.Э. Динамика межкультурного общения. Системно-семиотическое исследование. – Тверь: ТвГУ, 1998. – 99 с.
11. Красных В.В. Структура коммуникации в свете лингво-когнитивного подхода (коммуникативный акт, дискурс, текст). Дис. на соиск. уч. степ. д. филол. н. – Москва, 1997 1999. – 463 с.
12. Кулинич М.А. Семантика, структура и прагматика англоязычного юмора. Дис. на соиск. уч. степ. д. культурол. н. – Москва, 2000. – 35 с.
13. Люшер М. Четырехцветный человек или путь к внутреннему равновесию.//Магия слова. – Харьков: АО Сфера, 1996. - 432 с.
14. Лазебник Ю.С. Модель мира, поэзия. – Киев: ГВЦ Минстата Украины, 1995. – 332 с.
15. Мамардашвили М. Лекции о Прусте (психологическая топология пути). – М.: Ad Marginem, 1995. – 547 с.
16. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. – СПб.: Ювента, наука, 1999. – 608 с.
17. Нечипорович Е.А. Кооперативная языковая личность в открытом коммуникативном эпизоде. Дис. на соиск. уч. степ. к. филол. н. – Москва, 1999. – 23 с.
18. Нуриманова Н.А. Построение понятийных и терминологических рядов (на материале режиссерского наследия К.С. Станиславского, Вс.Э. Мейерхольда и А.Я. Таирова). Дис. на соиск. уч. степ. к. филол. н. – Москва, 1998. – 163 с.
19. Пищальникова В.А. Проблема смысла поэтического текста. Психолингвистический анализ. Дис. на соиск. уч. степ. д. филол. н. – Барнаул, 1992. – 31 с.
20. Снитко Т.Н. Предельные понятия в Западной и Восточной лингвокультурах. – Пятигорск: Пятигорский ГУ, 1999. – 159 с.
21. Филимонова Е.Н. Иноязычные лексические элементы в переводном тексте (на материале русских переводов с корейского). Дис. на соиск. уч. степ. к. филол. н. – М., 1999. - 21 с.

22. Фесенко Т.А. Этноментальный мир человека: опыт концептуального моделирования. Автореф. дис. на соиск. уч. степ. д. филол. н. – Москва, 1999. – 52 с.

23. Чинь Тхи Ким Нгок. Лингвокультурологические основы диалога культур. Дис. на соиск. уч. степ. д. филол. н. – Москва, 1999. – 362 с.

24. Шварко Л.И. Особенности формирования инокультурных концептов у младших школьников в процессе изучения иностранного языка. Дис. на соиск. уч. степ. к. филол. н. – Барнаул, 1995. – 226 с.

References

1. Antropova M.V. Personal dominants and their means of linguistic expression (based on literary texts) [Lichnostnyye dominanty i sredstva ikh yazykovogo vyrazheniya (na materiale khudozhestvennykh tekstov)]. Dis. na soisk. uch. step. k. filol. n. – Moskva, 1985. – 147 s.

2. Vartanyan V.L. Fragments of the psycholinguistic theory of humor [Fragmenty psikholingvisticheskoy teorii yumora]. Dis. na soisk. uch. step. k. filol. n. – Moskva, 1994. – 176 s.

3. Vasilyeva S.G. Multilanguage (mixed speech) and typology of personality bilingualism [Raznoyazychiye (smeshannaya rech) i tipologiya bilingvizma lichnosti]. Dis. na soisk. uch. step. k. filol. n. – Moskva, 1999. – 36 s.

4. Gorshunov Yu.V. Pragmatics of abbreviations [Pragmatika abbreviatury]. Dis. na soisk. uch. step. d. filol. n. – Moskva, 2000. – 32 s.

5. Gudkov D.B. Case phenomena in language consciousness and intercultural communication [Prededentnyye fenomeny v yazykovom soznanii i mezhkulturnoy kommunikatsii]. Dis. na soisk. uch. step. d. filol. n. – Moskva, 2000. – 150 s.

6. Dyubua Zh., Edeling F., Klinkenberg Zh.M., Menge F., Pir F., Trinon A. General rhetoric [Obshchaya ritorika]. – M.: Kom Kniga, 1986. – 360 s.

7. Zaretskaya Ye.N. Theory of Verbal Communication [Teoriya rechevoy kommunikatsii (ritoricheskiy podkhod)]. Dis. na soisk. uch. step. k. filol. n. – Moskva, 1999. – 15 s.

8. Keller R. Language changes. About the invisible hand in language [Yazykovyye izmeneniya. O nevidimoy ruke v yazyke]. – Samara: SamGPU, 1997. – 312 s.

9. Kireyeva Ye.S. Language means of implementing role and subjective modes in dialogue (based on American literature) [Yazykovyye sredstva realizatsii rolevogo i subyektivnogo modusov v dialoge (na materiale amerikanskoй khudozhestvennoy literatury)]. Avtoref. dis. na soisk. uch. step. k. filol. n. – Moskva, 1997. – 40 s.

10. Klyukanov I.E. Dynamics of Intercultural Communication. System and semiotic research [Dinamika mezhkulturnogo obshcheniya. Sistemno-semioticheskoye issledovaniye]. – Tver: TvGU, 1998. – 99 s.

11. Krasnykh V.V. Communication structure in the light of linguistic-cognitive approach (communicative act, discourse, text) [Struktura kommunikatsii v svete lingvo-kognitivnogo podkhoda (kommunikativnyy akt, diskurs, tekst)]. Dis. na soisk. uch. step. d. filol. n. – Moskva, 1997 1999. – 463 s.

12. Kulinich M.A. Semantics, structure and pragmatics of English humor [Semantika, struktura i pragmatika angloyazychnogo yumora]. Dis. na soisk. uch. step. d. kulturool. n. – Moskva, 2000. – 35 s.
13. Lyusher M. Fourcolourman or a path to inner balance [Chetyrekhtsvetnyy chelovek ili put k vnutrennemu ravnovesiyu] //Magiya slova. – Kharkov: AO Sfera, 1996. - 432 s.
14. Lazebnik Yu.S. Model of the world, poetry [Model mira, poeziya]. – Kiyev: GVTs Minstata Ukrainy, 1995. – 332 s.
15. Mamardashvili M. Lectures on Proust [Lektsii o Pruste (psikhologicheskaya topologiya puti)]. – M.: Ad Marginem, 1995. – 547 s.
16. Merlo-Ponti M. Phenomenology of Perception [Fenomenologiya vospriyatiya]. – SPb.: Yuventa, nauka, 1999. – 608 s.
17. Nechiporovich Ye.A. Cooperative linguistic personality in an open communicative episode [Kooperativnaya yazykovaya lichnost v otkrytom kommunikativnom epizode]. Dis. na soisk. uch. step. k. filol. n. – Moskva, 1999. – 23 s.
18. Nurimanova N.A. Building of conceptual and terminological series (based on K.S. Stanislavsky, V.E. Meyerhold and A.Y. Tairov's producer heritage) [Postroyeniye ponyatiynykh i terminologicheskikh ryadov (na materiale rezhisserskogo naslediya K.S. Stanislavskogo, Vs.E. Meyerkholda i A.Ya. Tairova)]. Dis. na soisk. uch. step. k. filol. n. – Moskva, 1998. – 163 s.
19. Pishchalnikova V.A. Problem of the meaning of the poetic text . Psycholinguistic analysis [Problema smysla poeticheskogo teksta. Psikholingvisticheskiy analiz]. Dis. na soisk. uch. step. d. filol. n. – Barnaul, 1992. – 31 s.
20. Snitko T.N. Limit concepts in Western and Eastern producer linguistic cultures [Predelnyye ponyatiya v Zapadnoy i Vostochnoy lingvokulturakh]. – Pyatigorsk: Pyatigorskiy GU, 1999. – 159 s.
21. Filimonova Ye.N. Foreign-language lexical elements in the translated text (based on the Russian translation from Korean) [Inoyazychnyye leksicheskiye elementy v perevodnom tekste (na materiale russkikh perevodov s koreyskogo)]. Dis. na soisk. uch. step. k. filol. n. – M., 1999. - 21 s.
22. Fesenko T.A. Ethnomentality human world : conceptual modeling experience [Etnomentalnyy mir cheloveka: opyt kontseptualnogo modelirovaniya]. Avtoref. dis. na soisk. uch. step. d. filol. n. – Moskva, 1999. - 52 s.
23. Chin Tkhi Kim Ngok. Linguistic cultural foundations of dialogue between cultures [Lingvokulturologicheskkiye osnovy dialoga kultur]. Dis. na soisk. uch. step. d. filol. n. – Moskva, 1999. – 362 s.
24. Shvarko L.I. Features of formation foreign concepts in primary school children in the process of learning a foreign language [Osobennosti formirovaniya inokulturnykh kontseptov u mladshikh shkolnikov v protsesse izucheniya inostrannogo yazyka]. Dis. na soisk. uch. step. k. filol. n. – Barnaul, 1995. – 226 s.